

Александр
Васькин

Спасти Пушкинскую площадь

Александр Васькин
Спасти Пушкинскую площадь

«Автор»

2011

ББК 79.0:26.89(2-2Мос)

Васькин А. А.

Спасти Пушкинскую площадь / А. А. Васькин — «Автор», 2011

ISBN 978-5-9973-1000-4

Тверская башня Белого города, Страстной монастырь, Триумфальные ворота, храм Димитрия Солунского, «дом Фамусова», Дом актера – все это когда-то было на площади, что называется сегодня Пушкинской или в просторечье «Пушкой». Впрочем, Пушкинской она была не всегда – до 1931 г. площадь называлась Страстной. Да и памятник Пушкину перенесли сюда лишь в 1950 г. Основные потери Пушкинская площадь понесла в прошлом веке. Казалось бы, потерь этих с лихвой хватит, чтобы оставить ее в покое. Однако мы с тревогой всматриваемся в завтрашний день площади – сохранится ли этот уникальный уголок Москвы? Жизнь Пушкинской площади, ее прошлое и будущее – такова тема новой книги известного москвоведа Александра Васькина. В книге – много интересных иллюстраций и старых фотографий.

ББК 79.0:26.89(2-2Мос)

ISBN 978-5-9973-1000-4

© Васькин А. А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Солнечное сплетение Москвы	6
Площадь у Тверских ворот Белого города	15
Страсти по Страстному монастырю	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Анатольевич Васькин

Спасти Пушкинскую площадь

© Издательство «Спутник +», 2011

Солнечное сплетение Москвы

Удивительное это место – Пушкинская площадь. Чем она так важна для нас? Ведь здесь за что ни возмись – ничего нет. Страстной монастырь разобрали, храм Димитрия Солунского снесли, «дом Фамусова» будто ластиком стерли, Дом актера сгорел, а памятник Пушкину – и тот не своем месте стоит!

Да и площадь-то сама по себе небольшая (а до сноса Страстного монастыря была еще меньше): на обычной карте Москвы ее название с трудом умещается на крохотном прямоугольнике со следующими границами: Тверская улица – Страстной бульвар – Большой и Малый Путинковский переулки (такой малый, что спрятался на задворках кинотеатра «Пушкинский»).

Но мы, москвичи, продолжаем упорно цепляться за «Пушку». Каждый из нас по-своему объясняет причину столь крепкой и неизменной любви, передающейся, как гены, по наследству. Одни считают Пушкинскую площадь самым «московским» уголком столицы, учитывая, что Пушкин был подлинным москвичом – и по рождению, и по своей огромной любви к родному городу (впрочем, не всегда огромной). Другие говорят, что если Красная площадь – сердце Москвы, то Пушкинская – нечто вроде мозгового центра или солнечного сплетения, источник импульсов и фантазий. Третьи считают, что это признак нашего города, без которого и Москва – не Москва. Четвертые...

«Площадь – незастроенное большое и ровное пространство (в городе, селе), от которого обычно расходятся в разные стороны улицы».

(С.И. Ожегов, «Толковый словарь русского языка»)

Кинотеатр «Центральный» на Пушкинской площади

Спасти Пушкинскую площадь – это не только животрепещущее воззвание, но и своеобразная характеристика всего, что происходило с площадью на протяжении последнего столетия. Как фигуры с шахматной доски, исчезали с площади ее неперенные приметы, зато нарождались другие – дом «Известий», кинотеатр «Россия», а в 1950 г. перевезли сюда памятник Пушкину.

Снос кинотеатра «Центральный», 1960-е годы

История площади весьма древняя. Если всех исторических персонажей, когда-либо бывавших здесь, собрать вместе, то пространства нынешней площади не хватит. В деревянный храм, давным-давно стоявший на месте дома № 17 по Тверской улице, приходил великий князь Дмитрий Донской. Последний представитель династии Рюриковичей, царь Федор Иоаннович в конце XVI в. повелел начать строительство стены Белого города именно с этого места, где и была поставлена первая крепостная башня – Тверская. А уже в следующем столетии первый царь из рода Романовых Михаил Федорович встречал здесь чудотворную икону Страстной Божьей Матери, а позднее сын его, Алексей Михайлович основал тут Страстной монастырь, который затем неоднократно удостаивал своим присутствием.

Сын царя Алексея Михайловича, Петр Алексеевич, прозванный Великим, в ознаменование побед русского оружия приказал поставить на площади Триумфальные ворота. Войска вступали в Москву в парадном строю и проходили под аркой с царем-полковником Преображенского полка во главе. А затем арки стали ставить в честь коронации каждого нового российского монарха, приезжавшего из Санкт-Петербурга на торжественную церемонию в Москву по Тверской улице через Страстную площадь.

Так уж повелось, что многое, что начиналось в Москве, впервые появлялось именно на этой площади – первый трамвай, первое такси, первые фонари...

Пушкинская площадь – не просто перекресток древних улиц и старинных бульваров, от которых мало что осталось. Это, если хотите, система координат, в пределах влияния которой возникали центры общественной и культурной жизни Москвы. На рубеже XIX–XX веков здесь сложилась необычная геометрическая фигура (не квадрат, не треугольник): «дом Фамусова» – Страстной монастырь – храм Димитрия Солунского – памятник Пушкину (не забудем, что тогда еще памятник Пушкину стоял на бульваре).

Пушкинская площадь, 1930-е годы: колокольню Страстного монастыря приспособили под рекламный щит Всесоюзной лотереи «Автодор». Памятник Пушкину пока на старом месте...

И вот что интересно: сменялись эпохи – преображалось и окружение площади. Храм Дмитрия Солунского перестроили еще при Екатерине Великой, желая подчинить старое городское пространство бывшей столицы каким-то незнакомым доселе бульварам. Заимствовали бульвары из неведомого французского, а оно, это французское, столь почитаемое в московских салонах, через шепотку лет само в Москву явилось, с залпами Бородинского сражения пришло на Страстную площадь, чтобы запалить монастырь.

Будущий писатель Стендаль, приехавший в Москву с французским обозом в 1812 г. все удивлялся – для чего русские жгут свои роскошные дворцы? Впрочем, французские вывески вновь вернулись в Москву вскоре после Отечественной войны. Ну не могли московские франтихи обойтись без французских пуговиц и шляпок!

Праздничное оформление Пушкинской площади к 1 мая. Вторая половина 1940-х годов.

А Страстной монастырь не сгорел, несмотря ни на каких Растопчиных, ни даже на усилия французских мародеров. В 1849 г. сломали старую монастырскую колокольню в угоду архитектурной моде. Правда, новая колокольня вышла какая-то не наша, не московская. Московская, шатровая – она рядом стояла, при храме Димитрия Солунского.

И кажется, что выстоял монастырь двести пятьдесят с лишком лет только для того, чтобы Есенин с бандой имажинистов в 1919 г. измалевали его разными нехорошими словами. Зато, как он писал про коллегу Маяковского – штабс-маляр (стихотворение «На Кавказе»), а и сам оказался маляром.

Малевал Есенин – будто мстил старинной обители за то, что когда-то не приглянулся ей памятник Пушкину. Отсутствие взаимопонимания между московскими церковными властями и Пушкиным – тут, как говорится, к бабке не ходи. Недаром Александр Сергеевич жаловался на митрополита Филарета, запретившего ему венчаться в домовый церкви князей Голицыных на Волхонке. Пришлось бракосочетаться в храме «Большое Вознесение» у Никитских ворот, в приходе которого стоял дом Гончаровых. А между тем, Филарета чтили в Страстном монастыре, освещал он надвратную церковь св. Алексея Человека Божия.

Похоже, что переименование Страстной площади в Пушкинскую в 1931 г. спасло ее, обозначив новый смысл ее существования. И постепенно, к «оттепельным» годам образовался такой интеллигентский «загон»: недоскреб «Известий» – «Новый мир» – кинотеатр «Россия» – редакция «Московских новостей» – Дом актера. И в центре всего этого – памятник Пушкину. А если вспомнить про превратившуюся в 1960-е годы в Бродвей улицу Горького, прорезавшую площадь, получается еще интереснее!

Памятник Пушкину после переезда на Пушкинскую площадь. Слева – Дом актера, справа – дом «под юбкой» (1950-е гг.).

Теперь нельзя было не прийти на площадь, хотя бы для того, чтобы в очередной раз не повстречаться с бронзовым поэтом. Без него – никак. Памятник Пушкину с момента своего появления не давал спать спокойно многочисленным собратьям Александра Сергеевича по перу – ни Есенину, ни Маяковскому, ни тем более поэту Рюхину из «Мастера и Маргариты». В своем знаменитом стихотворении «Пушкину» Есенин писал:

*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье*

Сумело бронзой прозвенеть.

И прозвенело – поставили на Тверском бульваре памятник Сергею Александровичу. А вот и Владимир Владимирович говорит «дорогому Александру Сергеевичу»:

После смерти нам стоять почти что рядом:

Вы на Пе, а я на ЭМ.

...

Мне бы памятник при жизни полагается по чину...

Маяковский так хотел себепамятник, что даже из жизни ушел раньше времени, восстав из гранита на соседней площади.

Нельзя, однако, не заметить странное соседство, образовавшийся треугольник памятников: Пушкин – Есенин – Маяковский. Все трое были поэтами, умерли не своей смертью, споры о причинах и обстоятельствах ухода из жизни каждого из них ведутся по сей день. Вот и не верь после этого в мистику совпадений.

Скульптора Опекушина мало кто сегодня узнает в лицо. Созданный им памятник удивительным образом отвоевал себе право считаться народным произведением. Недаром приходят сюда из года в год люди читать пушкинские строки. Но почему Пушкин стоит, склонив венценосную голову, показательно сняв головной убор? Скорбит он по Пушкинской площади!

Пушкинская площадь отпочковалась, отлетела от своих примет... Как нос гоголевского Ковалева, пустилась она в свободное плавание по Москве, по страницам прозы, поэзии и мемуаристики. И давно уже стала неосязаемым и не только московским явлением, получив на это право по причине того, что родился в Москве за год до начала девятнадцатого века потомок Ганнибаллов. Появился он на свет в Немецкой слободе, в давно сгнувшем доме. Потому Пушкинская площадь приняла на себя право считаться первейшим местом, связанным с поэтом.

Выход этой книги, с одной стороны, ожидаемый, а с другой – нет. Ожидаемость продиктована двойным юбилеем: сто тридцать лет открытию в Москве памятника Пушкину и столько же лет Пушкинскому празднику. Поэтому и появление книги кажется вполне естественным.

Но есть и другая причина – неюбилейная. В последнее время возросла подготовительно-строительная активность вокруг Пушкинской площади, внушающая серьезные опасения по поводу сохранения этого объекта исторического наследия. Порою кажется, что причиной работ является само присутствие Пушкинской площади в таком самом что ни на есть историческом центре. В своем нынешнем виде мешает она организации бессветофорного движения на Тверской улице. Все это напоминает греческий миф о Прокрусте и его прокрустовом ложе, в которое он пытался насильственно вместить любого, кто не подходил под его мерку.

Книга эта – попытка еще раз напомнить об уникальности Пушкинской площади, может быть, уникальности не вполне осязаемой для нас и потому тем более ценной и важной.

Площадь у Тверских ворот Белого города

За свою долгую жизнь площадь, о которой мы поведем рассказ, носила, по меньшей мере, четыре названия: у Тверских ворот, Страстная, Декабрьской революции и, наконец, Пушкинская. Каждое из названий олицетворяет историческую эпоху, повлиявшую на его возникновение.

Изначально площадь возникла на месте Тверских ворот Белого города, окружавшего мощной каменной стеной ту часть Москвы, что вмещала в себя Кремль, Китай-город и приставшую к нему местность. Возведение крепостной стены началось при царе Федоре Иоанновиче в 1585 г. и продолжалось до 1591 г. под руководством известного русского зодчего Федора Коня. Правда, в документах XVI–XVII вв. упоминаются и другие даты окончания строительства: от 1589 г. до 1593 г.¹

---

¹ *Конь Федор Савельевич (точные даты жизни неизвестны), он же Конь Федоров, Конон Федоров, Кондрат Федоров – «государев мастер», русский зодчий второй половины XVI в. Закрепившееся за ним прозвище «Конь» связано, очевидно, с каким-либо эпизодом из его биографии, либо с его происхождением. Помимо строительства крепостной стены и башен Белого города Конь руководил сооружением башен и стен московского Новоспасского монастыря, крепостной стены Смоленского кремля (1596–1602 гг.), Болдинского Дорогобужского монастыря (там же), Пафнутьево-Боровского монастыря в Калужской области. Крепости Коня выделялись подчеркнутой ясностью и продуманностью конструкций, высокой техникой строительства, большим архитектурным мастерством.*

Возведение крепостной стены Белого города началось при царе Федоре Иоанновиче (1557–1598). Строительство еще не было закончено, как к Москве со своим войском подошел крымский хан Казы-Гирей. Непрошенные гости недолго простояли у стен Москвы и вскоре убрались восвояси, несолоно хлебавши.

С началом строительства потянулись в Москву ремесленных дел мастера, работники разных профессий – каменщики, плотники, кузнецы, гончары, да и те, кто, как говорится, просто умел в руках лопату держать. Работы было предостаточно, посему и народу требовалось «вельми презело». Как писал Джером Горсей, дипломат аглицкий, которому еще отец Федора Иоанновича, Иван Грозный своими сокровищами хвастался (см. одноименную картину), «за сооружение каменной стены кругом всей Москвы» царь призвал «семь тысяч каменщиков».

Всем миром возводили стены Белого города. К строительству привлекли как людей подневольных, так и «охочих людей», зарабатывавших «смотря по делу, от чего что пригоже». В сохранившейся челобитной того времени читаем: «Как на Москве царев белой каменной город делали, деды наши и отцы, и мы, сироты ваши, у того городского дела в кирпичниках были, кирпич делали».

Строили стену за счет казны, то есть за счет народа: «А камень белой, тесаной и неочищенной, привозят к Москве из тех городов уездные крестьяне, на кого сколко в году положено поставить вместо иного обороку», – свидетельствовал один из современников. А люди побогаче – торговые да посадские – выкатывали деньгу на строительство. Брали и с иноземцев. Так, уже упомянутый Горсей дважды просил царя Федора Иоанновича освободить английскую торговую компанию от уплаты специального налога, введенного в связи с постройкой стены Белого города.

Федор Конь на фоне выстроенного им Смоленского кремля (скульптор О. Комов)

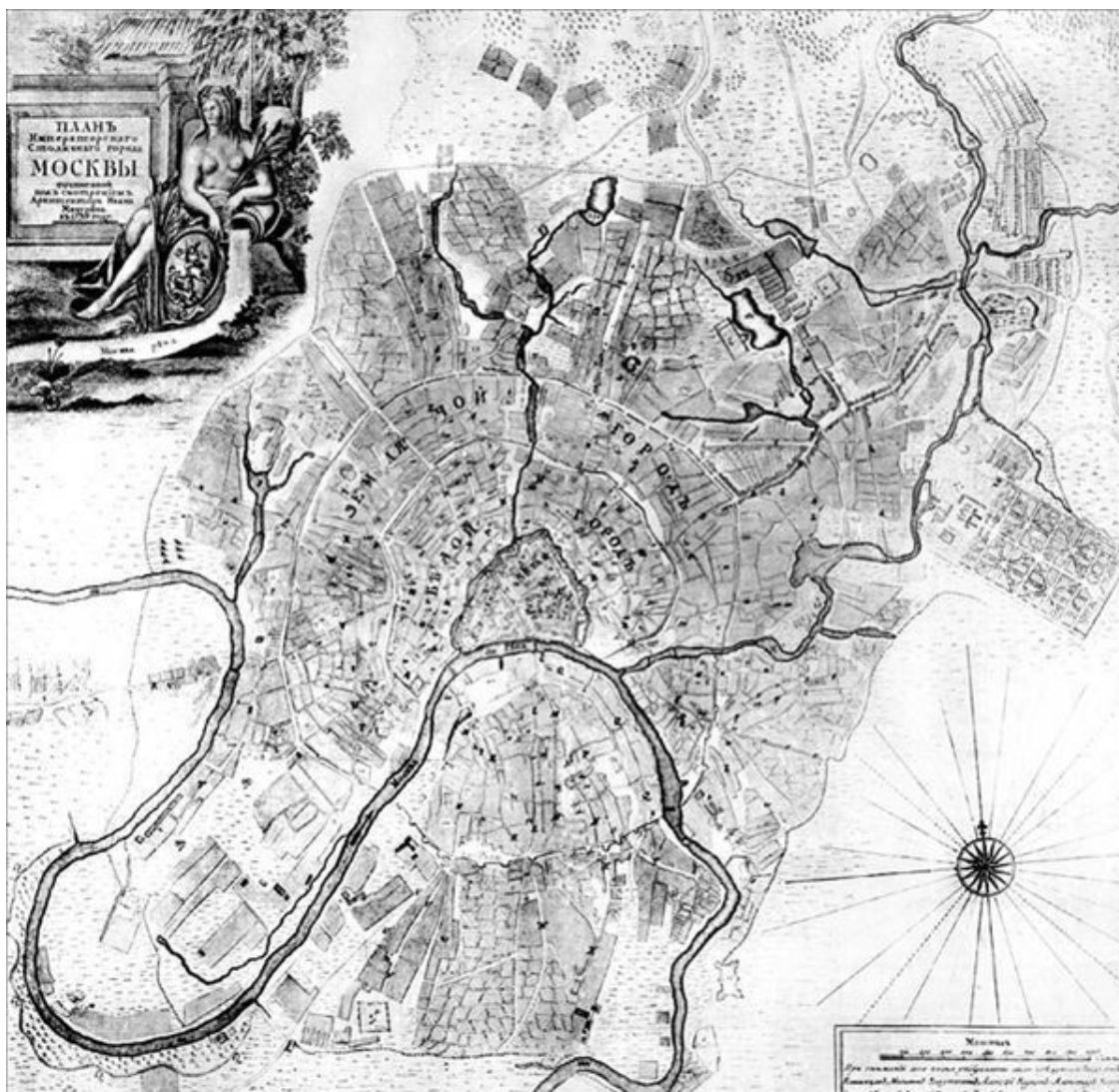

Белый город на плане швейцарского художника Маттеуса Мериана, 1638 г.

Первыми стали возводить Тверские ворота, а уже от них повели стены в разные стороны, что, наверняка, неслучайно – Тверская дорога была главной, царской. Ее требовалось заградить в первую очередь.

Уже в те времена было известно, что московская почва во многих местах, в том числе и на нынешней Пушкинской площади, перенасыщена грунтовыми водами, расположенными слишком близко от поверхности земли. Построить каменную башню на глиняной почве, держащую к тому же на себе медные пушки, было делом непростым².

² Негодность московской земли для глубокого подземного строительства вновь заявила о себе в 1930-е гг., при прокладке московского метро. Немало зарубежных специалистов приглашено было тогда в красную столицу из Берлина, Парижа, Нью-Йорка, да только напрасно: приехав, все они вскоре возвращались обратно, отказавшись от участия в прокладке подземки под предлогом сверхсложности условий строительства. Тогда решили копать своими силами. Советские метростроевцы, не имевшие прежде подобного опыта, при прокладке метро натыкались на многочисленные свидетельства того, как их далекие предшественники выдумкой и хитростью боролись с природными условиями московской земли. Найденные при раскопках в центре Москвы остатки фундамента Белого города служили красноречивым тому подтверждением.

Белый город на плане «Императорского Столичного города Москвы», 1739 г.

Как была обеспечена устойчивость Тверской башни Белого города? По несложной, но любопытной задумке Федора Коня башня должна была прочно стоять на двух рядах толстенных белокаменных плит. Но как сделать так, чтобы плиты «не играли» и, учитывая тяжесть нагрузки на зыбкую почву, прочно держали огромные стены? Цемент тогда еще не изобрели. Зато лесов вокруг Москвы было вдоволь. Там и добыли недостающий связующий элемент – дубовые бревна.

Первым сладили фундамент Тверских ворот. Для начала в вырытый землекопами котлован забили несколько рядов дубовых свай, разных по высоте, половина из них выступала из земли на 50, а другая – на 80 сантиметров. Затем плотно утрамбовали землю – так, чтобы она покрывала только невысокие сваи. На них и уложили первый ряд бутовых плит, упирившихся по бокам в сваи большей длины, выступавшие из земли. Таким образом, образовалась ровная поверхность.

Следом поверху выложили второй слой каменных плит, накрывающих теперь уже и более высокие сваи. Получившееся основание в разрезе напоминало привычную кирпичную кладку; тем не менее, оно обладало очень важным для фундамента свойством – упругостью, повышающей сопротивляемость будущей стены артиллерийскому обстрелу.

Таким же сделали фундамент и других ворот Белого города, стоявших на глиняной почве, в частности Мясницких.

Толщина высоких десятиметровых стен достигала шести метров (и в этом они могут сравниться с Великой Китайской стеной). Основным строительным материалом были кирпич и известняк, из которого издавна сооружали в Москве соборы и другие значительные здания. Кремль в XIV в. также выстроили из известняка. Поэтому и зовется древняя Москва белокаменной. Впрочем, и в других европейских городах древние крепости тоже строили из благородного светлого камня. Например, при возведении лондонского Тауэра использовали песок.

Наш камень, белый подмосковный известняк, обладая ровной, без раковин, поверхностью, отличался важным декоративным свойством – наличием собственного оттенка, например, палевого, жёлтого или розового. Для предохранения мягкой поверхности белого камня от воздействия осадков его после облицовки покрывали защитным лаком – фирнисом, который, проникая внутрь камня, укреплял его и сохранял декоративные свойства в течение десятков и сотен лет.

Мясницкие ворота Белого города (с картины А. Васнецова)

Стена получилась протяженной – почти 10 километров; исходя от Водовзводной башни Кремля, она шла вдоль Пречистенской набережной, и дальше – по направлению современного Бульварного кольца до Москвы-реки, затем по Москворецкой набережной до стены Китай-города. Вдоль стены, напоминавшей по форме букву С, проходил ров с водой. Река Неглинка протекала под стеной через «трубу» (отсюда и название Трубных площади и улицы).

До того, как стать Белым, город назывался Царским – еще при Иване Грозном, повелевшем расселить в его пределах опричников. Сам же царь выстроил себе двор на Ваганьковском холме, т. е. тоже в пределах Белого города (на месте нынешнего Пашкова дома).

Было и третье название – Иван-город. В дневнике польского дворянина Маскевича, посетившего Россию в 1609–1612 гг., читаем:

«Китай-город и Кремль находятся внутри третьего замка, Иван-города (Белого города), который окружен валом и выбеленною стеною, отчего некоторые называют его Белым городом. В нем столько же ворот, сколько башен. Все же замки обтекает Москва-река, в ней много мест мелких, но топких, оттого наши охотнее переплывали ее, нежели переходили вброд.

Иван-город равным образом застроен домами бояр и посадских людей, так что нет ни одного пустого места; только при воротах, ведущих в Кремль и Китай-город, есть небольшие незастроенные пространства. Впрочем, так как дома находятся в значительном расстоянии от стен и палисада, то здесь довольно много места для защиты от неприятеля».

Застройка территории Белого города началась в XIV в., когда город был окружен валом и рвом. Уже в следующем веке на его территории находились боярские усадьбы, монастыри (Рождественский, Сретенский). В конце XV в. в Белом городе были поставлены Пушечный двор, Колымажный двор, другие ремесленные предприятия.

Согласно летописям того времени, Белым городом называли и саму крепостную стену. Соловецкий летописец начала XVII в. писал: «В лето 7097 (т. е. 1589 по современному летоисчислению) совершен бысть на Москве Белый город каменной и нарекли Царев город».

Всего в стене Белого города возвели 27 башен. Тверская башня, как и большинство ее собратьев, была многоугольной, высотой до 20 метров, имела несколько боевых ярусов и затейливое шатровое завершение. Внешний вид башен Белого города, по отзывам въезжавших в Москву гостей, был весьма своеобразным.

Приезжавший в Москву в середине XVII в. сын антиохийского патриарха Павел Алеппский писал:

«В Белой стене более 15 ворот, кои называются по именам различных икон, на них стоящих. Все эти надворотные иконы имеют кругом широкий навес из меди и жести для защиты от дождя и снега. Перед каждой иконой висит фонарь, который опускают и поднимают на веревке по блоку; свечи в нем зажигают стрельцы, стоящие при каждых воротах с ружьями и другим оружием.

Иноземец Исаак Масса, оставивший «Краткое известие о Московии в начале XVII века», пишет, что в Тверских воротах Белого города было два проезда, в отличие, например, от Арбатских, имевших лишь один проезд.

А старинный документ 1646 года «Роспись городовым порухам», рассказывающий о состоянии городского хозяйства Москвы, указывает на то, что в Тверской башне были устроены специальные помещения – «застенки», вероятно, для хранения боеприпасов. Застенок было два, и оба они пришли к середине XVII в. в плачевное состояние, требующее ремонта: один «застенок весь валится розно и у караульной избы осыпалось того застенку в длину по подошве 5 сажен», а другой «застенок по верху кругом осыпался и розщелялся». Оно и понятно – к тому времени использовались «застенки» все реже и реже.

Во всех воротах имеется по несколько больших и малых пушек на колесах. Каждые ворота не прямые, как ворота Ан-Наср или Кин-Насрин в Алеппо, а устроены с изгибами и поворотами, затворяются в этом длинном проходе четырьмя дверями и непременно имеют решетчатую железную дверь, которую спускают сверху башни и поднимают посредством ворота. Если бы даже все двери удалось отворить, эту нельзя открыть никаким способом, ее нельзя сломать, а поднять можно только сверху».

В десяти башнях пробили ворота – по числу пересекавших границу Белого города улиц. Каждые ворота нарекли по улице, через них проходящей. Сколько воды утекло с тех пор, но

сегодня, когда стены нет, память о ней незримо присутствует в названиях московских площадей – Яузские ворота, Покровские ворота, Мясницкие ворота, Петровские ворота, Никитские ворота, Арбатские и Пречистенские...

Недавняя уникальная находка реставраторов подтвердила тот факт, что крепостные ворота на Руси нередко нарекали в честь располагавшихся на них икон. В процессе реставрационных работ в апреле 2010 г. в киотах Спасской и Никольской башен Московского Кремля обнаружались старинные надвратные иконы, замурованные под слоем штукатурки в 1930-е гг.

На Спасской башне открылась икона с изображением образа Иисуса Христа с припадающими к нему святыми – преподобным Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским. Время написания фрески достоверно не известно, создана она была не ранее середины второй половины XVII в. Именно эта икона и дала название башне, именовавшейся ранее Фроловской.

Над воротами Никольской башни была замурована икона Святителя Николая Чудотворца, относящаяся к концу XV – началу XVI вв., поврежденная во время боев в октябре 1917 г.

Чертольские ворота Белого города (с картины А. Васнецова)

Впрочем, что значит – стены нет? Она есть, только под землей. В ходе недавних археологических изысканий найдены фундаменты крепостных стен в самых разных местах Белого города, в том числе и на Пушкинской площади. На Хохловской площади раскопана крепостная стена длиной более пятидесяти метров, хорошо сохранились фундамент и кладка, а также уникальные археологические детали. Археологи обещают, что в обозримом будущем остатки стен будут музеефицированы и выставлены на обозрение.

Тверские ворота открывали путь на одну из самых древних улиц Москвы – Тверскую. Как и следует из названия, улица поначалу была дорогой на Тверь, именно по этой улице въезжали в Москву великие князья, цари, императоры и прочие высокопоставленные лица, не говоря уже о чинах поменьше. Посему улицу также называли и Царской.

Тверские ворота на ночь запирались. Закрывали и отпирали ворота специальные люди – воротники, стражники на воротах – обитатели Воротниковской слободы (отсюда и название Воротниковского переулка). Ворота на Тверскую улицу находились в двух местах: в Белом городе и Земляном (на его месте позже возник Камер-Коллежский вал).

Но не только воротами защищали въезд в Белый город. Чтобы москвичи чувствовали себя «как за каменной стеной», для большей безопасности улицы перегораживали еще и поперек, толстыми бревнами-решетками. И если вдруг враги пробрались бы через ворота в город, то полагалось стоявшим у решеток сторожам немедля трещотками оповещать местное население, созывая всех на помощь. Бревнами-решетками начали охранять Москву по царскому указу Ивана III еще в 1504 г., а просуществовали они до 1750 г.

Зачем вообще нужны были ворота? Они являлись важной частью фортификационного сооружения, в которое превращалась крепостная стена в военное время. Будучи третьим кольцом обороны Москвы (после Кремля и Китай-города), Белый город признавался современниками одной из самых мощных крепостей Европы. Белгородские стены имели несколько ярусов бойниц, позволявших вести длительный непрерывный огонь.

Ворота были необходимы и в мирные дни, особенно ночами. И закрывали их от большого количества стекавшихся в Москву «шалых людей», коих в России во все времена было в избытке. Известно, например, что еще в 1722 г. Петр I посоветовал гостям, которые приехали в Кремль 1 января, чтобы поздравить царскую семью с Новым годом, разъехаться по домам засветло «во избежание какого-либо несчастья, легко могущего произойти в темноте от разбойников». А темнота, надо сказать, была повсеместная. Ведь во всем городе освещалось лишь Красное крыльцо перед Грановитой палатой Кремля, да и то по праздникам. Только в 1730 г. на улицах Москвы появились первые фонари, которые зажигали лишь в те вечера, когда в Кремле принимали гостей, чтобы последним было безопасно добираться восвояси. С конца XVIII в. фонари стали освещать улицу постоянно. Но поскольку с фонарями был связан риск пожара, то в лунные ночи и летом их не зажигали.

До того, как на Тверской установили освещение, в темное время суток горожане обходились фонарями, которые они носили с собой. Но лишний раз на улицу старались не ходить. Того же, кто встречался воротникам и стражникам с фонарем, пропускали дальше только за специальную мзду. А если фонаря при путнике не было, то его могли запросто заподозрить в желании остаться незамеченным и, следовательно, совершить что-то нехорошее. Таких не пропускали, а задерживали и сажали в острог «предварительного заключения» до выяснения личности.

Не одни лишь шальные люди стремились в разрастающуюся Москву. Во все времена здесь жила богатая публика. Но в Кремле и Китай-городе знать уже не умещалась, вот и стали давать им земельные наделы в Белом городе для дальнейшего заселения. Подать с новых вотчин они не платили, считались «обеленными» от них. Отсюда и еще одна версия происхождения названия Белого города, где жили «обеленные». Другая версия, более распространенная, напрашивается сама – камень, из которого возвели стены, был белым.

В Белом городе слободами жили также ремесленники и купцы, переселившиеся в Москву из ближайших (и не очень) русских городов: из Дмитрова, Новгорода, Твери и других (отсюда и названия современных Малой и Большой Дмитровки). Именовались слободы и по названию

ремесел – Соляная, Мясницкая, Лубяная, Кузнечная и т. д. (еще раз убеждаешься, насколько важным является сохранение исторических названий московских улиц)³.

С укреплением российской государственности и увеличением территории страны оборонительная роль московских крепостных стен становилась все менее важной. Последние полки иноземных солдат со стены Белого города можно было увидеть разве что в Смуту. Ворота Белого города больше не запирались на ночь, как в старину, и не охранялись.

Тверские ворота были снесены в 1720 г., а на их месте образовалась площадь, впрочем, долго не пустовавшая. Уже в следующем, 1721 г. на ней была построена триумфальная арка для торжественного въезда в Москву царя Петра I, заключившего со шведами Ништадтский мир.

Возведение триумфальных врат на площадях Москвы и Санкт-Петербурга стало одним из тех многочисленных новшеств, что пришли в Россию в царствование Петра. В отличие от традиции Запада, где строительство арок приурочивалось к самым разным поводам, в России арки ставили в случае военных побед и коронаций. Интересно, что в Москве, в основном, ставили арки в честь сухопутных побед, а в Петербурге, провозглашенном столицей в 1712 г., – морских.

В 1721 г. Петр I специально прибыл в Москву, чтобы вместе с многочисленной свитой совершить торжественный въезд по Тверской улице через триумфальные врата. О том, что происходило почти триста лет назад на нынешней Пушкинской площади, мы можем судить по историческому документу – «Реляции, что при отправлении торжественного входа Его Императорского Величества Всероссийского в Москву в 18 день декабря 1721 года, чинилось», составленной в Санкт-Петербурге в 1722 г.

---

³ «Другую часть города именуют они Царь-городом; она расположена в виде полумесяца и окружена крепкой каменной стеною, у них именуемой Белою стеною; посередине через нее протекает река Неглинная. Здесь живет много вельмож и московских князей, детей боярских, знатных граждан и купцов, которые по временам уезжают на торг по стране. Также имеются здесь различные ремесленники, преимущественно булочники. Тут же находятся хлебные и мучные лабазы, лотки с говядиною, скотный рынок, кабаки для пива, меда и водки. В этой части же находится конюшня его царского величества. Здесь же находится литейный завод, а именно в местности, которую они называют Поганым прудом (бродом) на реке Неглинной; здесь еще льют много металлических орудий и больших колоколов». Адам Олеарий (1599–1671). «О русском государстве, его провинциях, реках и городах».

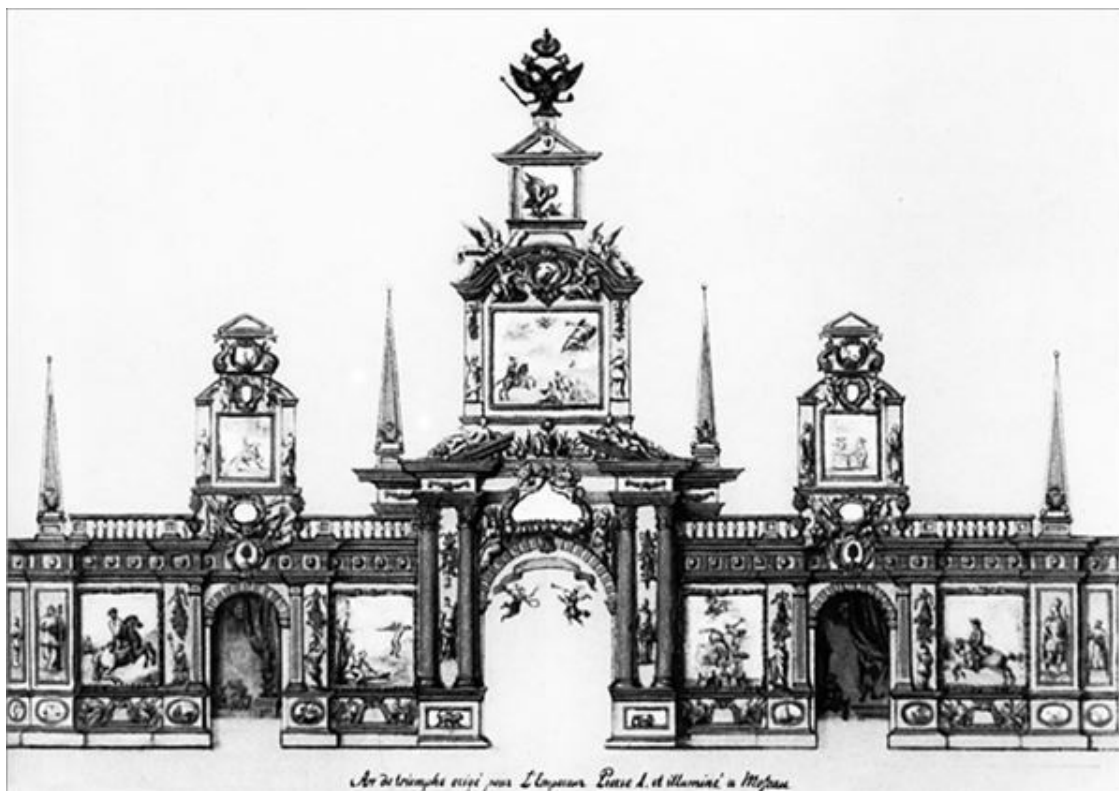
Традиция возведения в российских городах триумфальных арок зародилась при Петре I

«Когда Его Императорское Величество приблизился с Гвардиею и прочими учрежденными полками ко Тверским триумфальным воротам, тогда великим трубным гласом, также литаврным и барабанным боем и пушечную стрельбою со всенародною родостию принят. И по вошествии в Белый город с башен и болверков пушечною стрельбою, и всех церковей колокольным звоном приветствовали».

У Тверских ворот Петра встречало московское начальство в полном составе: генерал-губернатор, губернатор и все «знатнейшие под их командой обретающиеся офицеры и прочие гражданские управители».

Изображение Тверских ворот того времени до нас не дошло, но благодаря сохранившемуся описанию можно себе представить их торжественный облик. Документ называется «Врата триумфальные в царствующем граде Москве. На вход Царского Священнейшего величества, Императора Всероссийского, Отца Отечества Петра Великого с торжеством окончания войны благополучным миром между империею российскую и короною шведскою».

Петр повелел выстроить в Москве три триумфальные арки. Каждая имела свой глубокий смысл. Первая – «у Тверских ворот по Белому городу» ставилась в знак прошедшей войны, и должна была являть собою «мимошедшей войны благополучия, аки семена мира». Арка у Тверских ворот должна была быть построена «тщанием и иждивением именитых человек, господ Строгановых, архитектором Иваном Юстиновым». Эти ворота по фамилии финансировавшего их купца называли также Строгановскими.

Строгановские триумфальные врата. Купцы Строгановы неоднократно выступали в роли финансистов строительства триумфальных ворот в Москве, так было и в 1709 г. после Полтавской победы

Вторая арка – в честь достигнутого мира – «в Китае городе у собора Казанского. Тщанием Святейшего Синода. Архитектором Иваном Зарудным».

Третья арка – в честь плодов достигнутого мира, «образующих и надеемых». Место для арки выбрали у Мясницких ворот Земляного города (сегодня мы знаем это место как площадь Красные ворота). Арка называлась магистратской, т. к. строилась «тщанием и иждивением Магистрата. Архитектором Иваном Юстиновым упомянутым».

Указания, кому и на чьи деньги строить, этим не ограничились. Подробное описание внешнего вида ворот также очень интересно. В частности, Тверские ворота приказано было украсить столпами с изображениями четырех главных добродетелей: Правды с весами и мечом; Премудрости с зеркалом и змием; Целомудрия, сосуд «не весьма полно наливающегося»; Мужества, опершегося на обломок столпа, при себе льва имеющего.

*Красные ворота
(с картины Бодри, 1844 г.)*

Это с одной стороны ворот, а с другой – «любовь к отечеству, в лице жены, город на руках пестующей». И еще разнообразные декоративные элементы, как-то: статуи святых апостолов Петра и Андрея, картины баталий и атак, провидение в лице царицы с корабельным кормилом, державой и царским глобусом в руках и т. д. А надо всем этим парил «герб Государев, Орел позлащенный». Эмблематика триумфальных врат петровской эпохи была богатой.

Церемония прохода через Тверские триумфальные ворота была разработана заранее и не могла быть ни в коей мере и ни по чьему бы то ни было желанию изменена. Первой шла рота гренадеров. Затем гвардии Преображенский полк во главе с полковником – Петром I. За полковником следовали два подполковника – Светлейший князь Александр Данилович Менши-

ков и Иван Иванович Бутурлин. За ними – четыре майора. За майорами – шеренга из восьми капитанов. Затем – восемь капитан-лейтенантов. За ними в две шеренги несли шестнадцать знамен. За Преображенским полком маршировал Семеновский, таким же порядком. За Семеновским – Ингерманландский, Астраханский, Лефортовский, Бутырский.

«Шли до десятого часа по полудни. Потом распущены были по квартирам» (орфография источника сохранена).

Интересно, что в петровское время торжественное шествие победителей к Кремлю начиналось с двух сторон – либо от Серпуховской заставы, либо от Тверских ворот Земляного города. Все зависело от того, откуда возвращалась армия. Так, в 1696 г. и 1709 г. войска входили через Серпуховские ворота, поскольку шли с юга. А в 1702, 1703, 1704 гг. – с севера, поэтому они шли по Тверской улице. Даже если царь Петр приезжал в Москву по другой дороге, то шествие начиналось оттуда, откуда прибывала в Москву армия.

Внук Петра I, Петр II также въезжал на коронацию через Тверские ворота Белого города: «Как скоро Его Императорское Величество триумфальные ворота пройти изволил, дан сигнал к пальбе из пушек, по окончании пушечной стрельбы стреляли полки трижды беглым огнем», – писали «Санкт-Петербургские ведомости» в 1728 г.

На коронацию императрицы Анны Иоанновны арку у Тверских ворот специально не строили. Дочь Петра Елизавета также повелела новую арку здесь не ставить.

В 1763 г. триумфальные врата возвели к восшествию на престол Екатерины II (арх. Д. В. Ухтомский), в 1773 г. – в честь победы над турками армии полководца П. А. Румянцева. Снесенные в 1928 г. Красные ворота (1753–57 гг., арх. Ухтомский) очень напоминали своих собратьев, что радовали когда-то глаз на той площади, о которой мы рассказываем в этой книге.

Триумфальные арки строили, а вот крепостная стена Белого города тем временем разрушалась. Воцарившаяся в 1741 г. императрица Елизавета Петровна повелела приступить к сносу сильно обветшавшей к тому времени стены. Но если возвели стену за каких-то пять-шесть лет, то разрушение ее заняло гораздо больше времени и растянулось до Екатерининского времени. Может быть, потому, что снос – дело не менее ответственное, чем строительство (а, может быть, потому, что тогда не было еще большевиков), и в любом деле нужно умелое и профессиональное руководство.

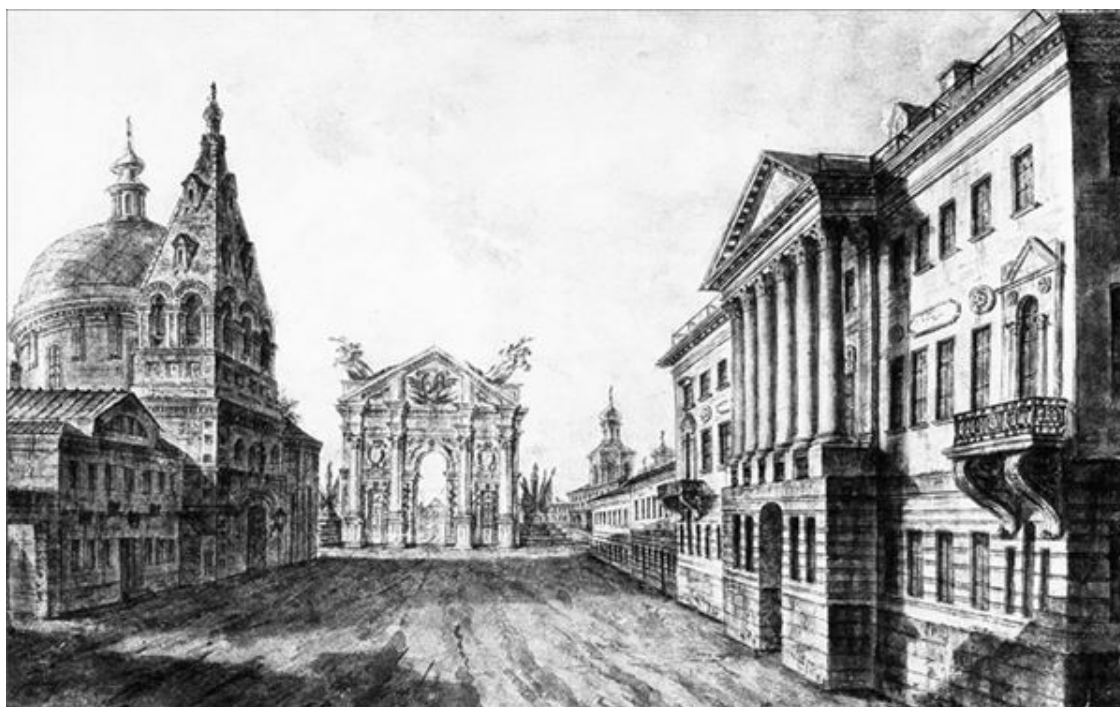

Триумфальные ворота на Страстной площади. Рисунок из коронационного альбома Екатерины II, автор М. Махаев, 1760-е гг.

На представленной иллюстрации мы видим Триумфальные ворота, поставленные в честь восшествия на престол царя Александра I, украшенные

вензелем императора и коронационными атрибутами. По правую сторону от ворот выглядывает старая колокольня Страстного монастыря. Рисунок ценен тем, что показывает «допожарное» устройство площади и Тверской улицы, увиденных художником со стороны Охотного ряда. На первом плане – особняк Е.И. Козицкой (1790-е гг., арх. М. Казаков). В этом доме в 1824–1829 гг. жила княгиня Зинаида Волконская, в салоне которой бывали Пушкин, Вяземский, Баратынский; сегодня на этом месте – Елисеевский магазин. Слева – церковь Дмитрия Солунского с шатровой колокольней XVII в.

Несколько десятилетий приговоренная к сносу стена стояла полуразрушенной (ну почти как Колизей, которому в свое время также грозило уничтожение – хозяйственные римляне долго растаскивали по домам колизейские камни – травертины), до тех пор, пока однажды часть стены Белого города не обрушилась и не погребла под собой нескольких человек. Вот тогда и решили самовольный разбор прекратить и снести окончательно. Кое-что все же из камней крепостной стены успели построить: Воспитательный дом и дом генерал-губернатора графа Чернышева на Тверской.

*Триумфальные ворота на Страстной площади
(с рисунка Ф. Алексева, 1800-е гг.)*

Эта фотография 1930-х гг. сделана с того же места, где когда-то Алексеев рисовал Триумфальные ворота. Справа – Елисейевский гастроном (или № 1).

Привлекает внимание, конечно, двухэтажный троллейбус – примета довоенной Москвы. На заднем плане – «труба» кинотеатра «Центральный», а за ним – дом Сытина.

Каменный приказ, созданный в июне 1774 г. под руководством генерал-губернатора Москвы князя М. Н. Волконского, получил предписание: крепостные стены порушить. Императрица Екатерина II пожелала, чтобы на месте крепостной стены устроили бульвары – на всем ее протяжении. Так возникло Бульварное кольцо Москвы.

На этом рисунке Ф. Алексеева (1801 г.) Триумфальные ворота на Стростной площади изображены художником уже более детально и с другой стороны. Рисунок выполнен вскоре

после коронации Александра I. Слева от ворот – церковь Димитрия Солунского с колокольней. Триумфальные ворота резко контрастируют с их окружением, создающим картину патриархальной и бывшей столицы начала XIX века.

Сегодня Тверская улица окольцована бульварами. На ней встречаются Тверской и Страстной бульвары. Пушкинская площадь и Страстной бульвар – из одной семьи, ведь до переименования площадь так и называлась – Страстная. И даже нумерация Пушкинской площади и Страстного бульвара совпадает – по четной стороне, до дома № 8.

Страсти по Страстному монастырю

Следующее название площади дал Страстной женский монастырь, основанный в 1654 г. История монастыря началась с чуда, обросшего с годами легендарными подробностями. Вкратце содержание предания таково.

Вид на Страстной монастырь со стороны Малого Путинковского переулка. Редкое фото – обычно монастырь снимали со Страстной площади. На дальнем плане – сохранившаяся до наших дней церковь Рождества Богородицы в Путинках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.